

АРХЕОЛОГИЯ

КЛАДЫ КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ НА ПАМЯТНИКАХ НИЖНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ¹

С. Н. Скочина

Клады каменных заготовок и орудий относятся к типу редких находок со сложной датировкой. В работе рассмотрены разные по содержанию клады, являющиеся резервными каменными заготовками, и клады, участвовавшие в ритуальных обрядах в эпоху энеолита.

Клады каменных заготовок и орудий относятся к типу редких находок со сложной датировкой, они фиксируются на памятниках начиная с эпохи позднего палеолита, встречаются в неолито-энеолитическое время. В зависимости от места расположения, будь то поселенческий, культовый или погребальный комплекс, клады интерпретируются как продукты производственной деятельности, предназначенные для обмена, или как предметы, связанные с проявлением культа камня в ритуальных обрядах и т. д. [Берс, 1963. С. 46–47; Шаманаев, 1999. С. 23–24; Дрябина, 2000. С. 5–16; Волков, Дрябина, 2001. С. 29–30; Культурные памятники..., 2004. С. 220].

Достаточно интересными являются находки заготовок сланцевых орудий в районе оз. Чепкуль на территории Андреевского археологического микрорайона в Туро-Пышминском междуречье.

В процессе исследования южного берега оз. Чепкуль в зоне разрушений возле многослойного поселенческого комплекса Чепкуль 86 был обнаружен клад, состоящий из 11 сланцевых орудий (рис. 1). В материке фиксировались три ямки, заполненные слоем темно-серой супеси, в одной из которых находилось компактное скопление заготовок.

В состав клада входят пять топовидных, четыре тесловидных заготовки, массивное скребло и концевой скребок. Заготовки рубящих орудий выполнены путем двухсторонней оббивки, их длина варьирует от 17,5 до 8,9 см, ширина от 6,5 до 5,4 см, толщина составляет 4–3 см (рис. 1, 1, 2, 4–7, 9–11). Массивное округлое скребло размерами 10,6×10,3×4,2 см оформлено сколами с одной стороны, с другой фиксируется несколько сколов и подправка плоской и приотрянутой ретушью части лезвия орудия (рис. 1, 3). Концевой скребок выполнен на массивной пластине размерами 7,6×3,2×1,3 см, в профиле чуть изогнут. У скребка крупной краевой крутой ретушью оформлены два продольных края и один поперечный со стороны спинки (рис. 1, 8). Все изделия не имеют следов использования. Керамического материала не обнаружено, в связи с этим трудно атрибутировать данный клад с культурно-хронологической точки зрения.

Заготовки рубящих орудий встречаются на памятниках Андреевского археологического микрорайона. Аналогичные предметы обнаружены в погребальном комплексе энеолитического грунтового могильника Чепкуль 21 (северный берег оз. Чепкуль), относящегося к шапульской культуре [Зах и др., 2004]. Среди сопровождающего инвентаря могильника наиболее представительными являются 15 заготовок рубящих орудий (топоров и тесел) без следов использования, обнаруженных в трех погребениях (№ 1–3) и охристой яме, а также большое число отщепов (около 300 ед.) из серо-зеленого сланца. Заготовки длиной от 19 до 6 см, шириной около 6 см выполнены путем двухсторонней оббивки с частичной шлифовкой поверхности и лезвия (рис. 2, 3, 4). Наличие топовидных заготовок в могилах некрополя Чепкуль 21, видимо, указывает на социальный статус погребенных. Кроме того, распределение заготовок и отщепов по погребениям и охристым линзам говорит о ритуальном характере изготовления незаконченных форм рубящих орудий и последующего раскалывания их на части. Скорее всего, на территории могильника происходил процесс расщепления, направленный на изготовление заготовок в качестве сопровождающего инвентаря.

¹ Работа выполнена при поддержке программы Президиума СО РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

Клады каменных изделий на памятниках Нижнего Притоболья

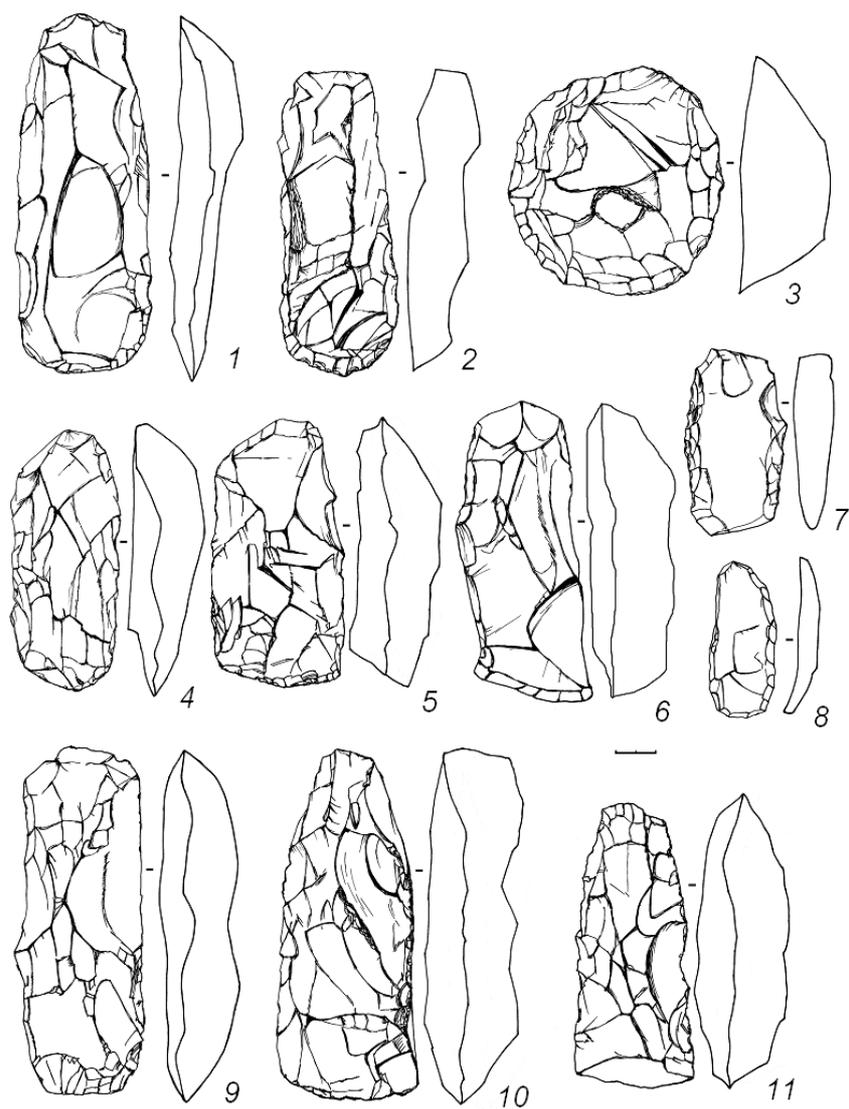

Рис. 1. Клад сланцевых заготовок с местонахождения Чепкульский клад

Еще одна заготовка происходит с поселения Мостовое 6, расположенного на южном берегу оз. Мостовое (северо-восточнее оз. Чепкуль). Она выполнена из серо-зеленой сланцевой породы. Заготовка тесла вытянутой прямоугольной формы в плане и асимметричной в сечении, размерами 21×7×4,6 см, оформлена с помощью двухсторонней оббивки (рис. 2, 2). В противопожарной траншее, проходящей через поселение, обнаружен фрагмент тонкостенной керамики, орнаментированный гребенчатым штампом, предварительно отнесенный к шапкульской культуре. В рекогносцировочном раскопе, заложенном на межжилищном пространстве поселения, частично исследованы пятна, напоминающие погребения, в верхних слоях культурного слоя найдены керамика, относящаяся к шапкульской культуре, и отщепы из серо-зеленого сланца, к раннему периоду относится сооружение сосновоостровской культуры.

Нельзя оставить без внимания находку массивной топорovidной заготовки из серо-зеленого сланца с южного берега Андреевского озера. Заготовка размерами 38,5×16×10 см, весом около 4–5 кг, оформлена сколами с двух сторон, на одной поверхности фиксируется несколько пятен частичной шлифовки (рис. 2, 1).

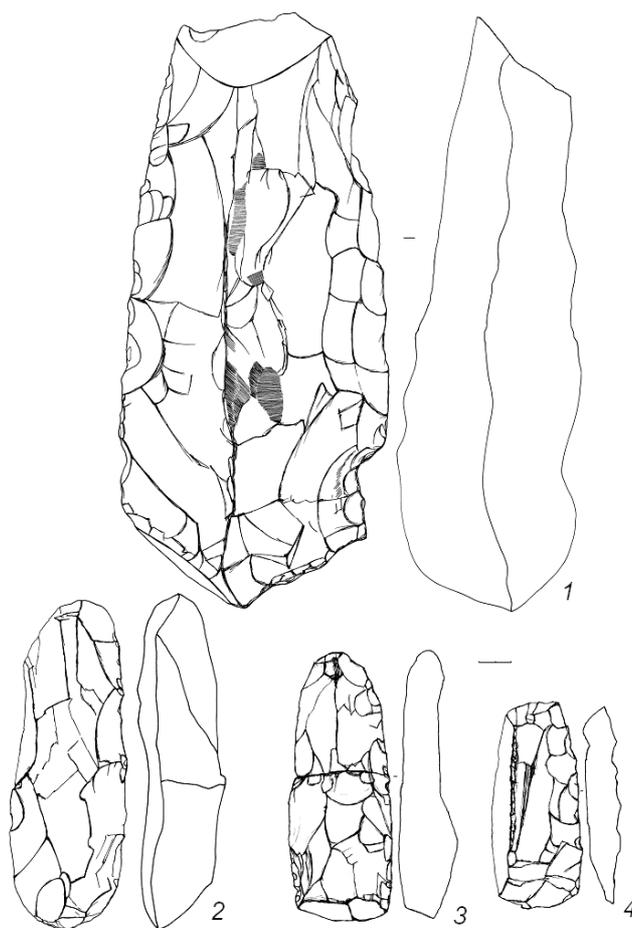

Рис. 2. Заготовки рубящих орудий:

1 — южный берег Андреевского озера; 2 — пос. Мостовое 6; 3, 4 — грунтовый могильник Чепкуль 21

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод, что двусторонне обработанные заготовки рубящих орудий, локализованные в пределах Андреевского археологического микрорайона, относятся к энеолитическому времени и, возможно, связаны с комплексами шапкульской культуры.

На энеолитическое время указывают клады и заготовки двусторонне обработанных орудий из зеленокаменной кремнистой породы, которые фиксируются в каменном инвентаре аятской культуры горно-лесного Зауралья [Шорин, 1999. С. 8; Шаманаев, 1999. С. 22]. Клад, состоящий из плиток и двусторонне обработанных орудий из черного плитчатого сланца, обнаружен на территории ритуального комплекса Остров 2. Датируется он неоднозначно: вначале его датировали эпохой энеолита [Матвеев и др., 1997а. С. 153], а затем соотнесли с неолитическими комплексами, содержащими керамику боборькинского и сосновоостровского типов [Волков, Дрябина, 2001. С. 31], хотя сырье и способ обработки заготовок указывают на их позднеэнеолитический или энеолитический (сосновоостровский или шапкульский (?)) возраст.

Клад несколько иного рода зафиксирован на энеолитическом грунтовом могильнике Бузан 3, расположенном у слияния рек Исети и Тобола в Ингальской долине [Матвеев и др., 1997б]. Около могилы № 3 обнаружено скопление из фрагментированных пластин (210 экз.) и отщепов (11 экз.) из красной и бежевой яшмы (рис. 3) [Там же. С. 156]. Практически у всех пластин фиксируется мелкая неравномерная краевая ретушь утилизации, локализованная по двум или одному продольному краю; часть из них использовалась в качестве составных частей ножей. Ретушированные пластины представлены резчиками (2 экз.), острями, пластинами с ретушированным поперечным и продольными краями, микроскребок размерами

Клады каменных изделий на памятниках Нижнего Притоболья

0,8×0,7×0,1см и наконечниками стрел из целых пластин (4 экз.) (рис. 3, 8, 14), кроме того, есть пластины с резцовым сколом (9 экз.). Пластины шириной до 1 см составляют 83,3 % от общего числа пластин, преобладают медиальные части (45 %), проксимальные части составляют 28 %.

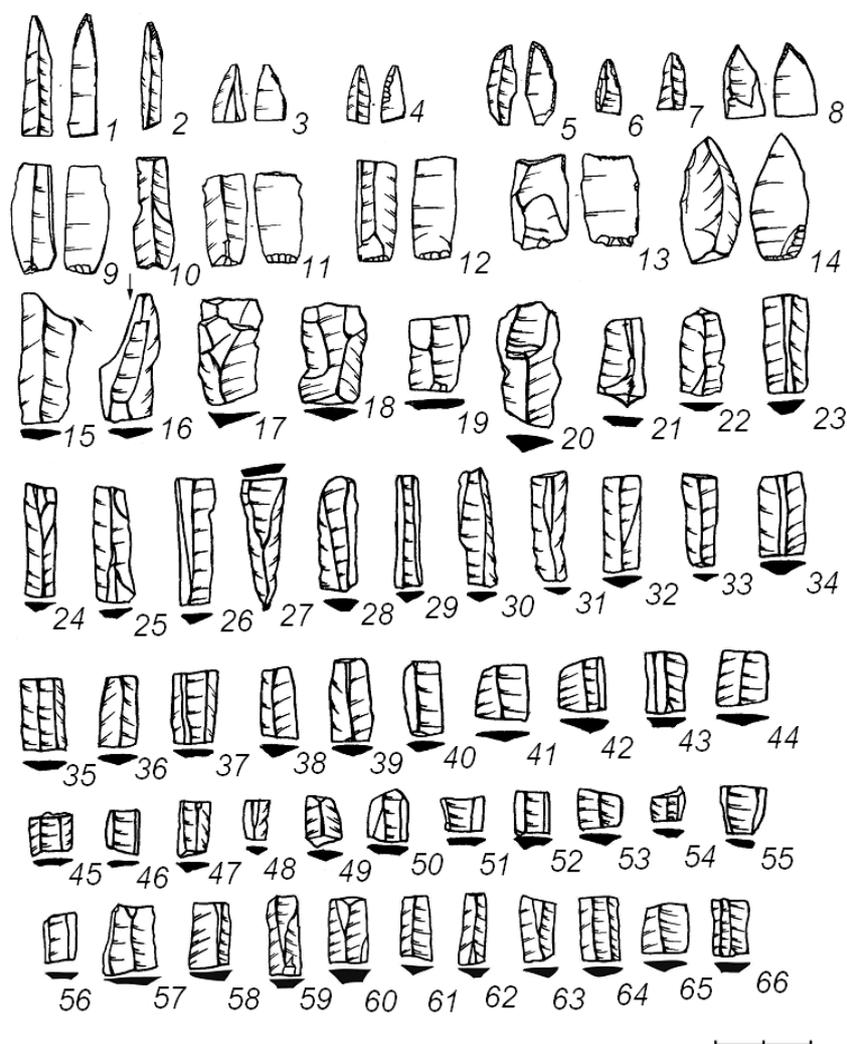

Рис. 3. Грунтовый могильник Бузан 3. Клад орудий из пластин

Среди данного скопления выделяются проксимальные части пластин (22 экз.), у которых ударный бугорок сбит, а поперечный край обработан плоской или отвесной ретушью со стороны брюшка и иногда со стороны спинки, отчего образована незначительная поперечная выемка (рис. 3, 9–13). Дистальные части (16 экз.) конвергентные, обработаны мелкой краевой приостряющей ретушью со стороны спинки и брюшка (рис. 3, 1–8). Создается впечатление, что части пластин проксимальные с поперечной выемкой служили насадами, дистальные ретушированные острия — пером и острием стрел. Видимо, фрагментированные части пластин представляют имитацию сломанных наконечников стрел или же это преднамеренно сломанные наконечники стрел.

Общие и специфические черты, характерные для кладов, выделены [Шаманаев, 1999. С. 24; Дрябина, 2000], однако для определения их назначения необходимо учитывать контекст памятника. Несомненно, клады, расположенные вблизи поселенческих комплексов, являются резервными каменными заготовками для последующих производственных нужд населения. Кладки из камней, обнаруженные на могильниках и святилищах, по всей видимости, участвова-

ли в определенных ритуалах. Исследователями неоднократно отмечалось особенное отношение к камню, показана его взаимосвязь с огнем, роль медиатора между мирами или проводника душ умерших [Петрин, 1992; Дрябина, 2000]. С развитием ассоциативного мышления в сферу обряда вступают орудия из камня (наконечники стрел, ножи, скребки, отщепы, топоры и др.) или их имитации. Из наиболее часто встречаемых орудий можно отметить топоры и стрелы. Топор имеет особую символику, она достаточно подробно исследована по этнографическим и фольклорным источникам, указывается на его полифункциональность (оберег, посредник, символ) в сфере обрядовой деятельности [Яковлев, Боброва, 2004. С. 149–167]. Аналогичный сакральный статус стрел, участвующих в ритуальных обрядах, фиксируется на многих культовых объектах Зауралья начиная с эпохи мезолита [Сериков, 2000. С. 207].

Таким образом, рассмотренные клады отражают обряд, в котором одну из главных ролей играл камень. Сакральное значение имел как процесс его расщепления, так и оформление определенных типов орудий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Берс Е. М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск: Свердл. кн. изд-во, 1963. С. 46–48.

Волков Е. Н., Дрябина Л. А. Культурно-хронологические комплексы памятника Остров-2 в Ингальской долине // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. С. 26–37.

Дрябина Л. А. О культе камня в каменном веке Урала и Сибири // Религия и церковь в Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2000. Вып. 13. С. 5–16.

Зах В. А., Скочина С. Н., Пархимович С. Г. Грунтовый могильник Чепкуль 21 на севере Андреевской озерной системы // ВААЭ. 2005. № 6. С. 24–42.

Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 234 с.

Матвеев А. В., Дрябина Л. А., Матвеева Н. П., Дегтярева А. Д. Рекогносцировочные раскопки в Ингальской долине в 1995 г. // ВААЭ. 1997а. Вып. 1. С. 152–155.

Матвеев А. В., Зах В. А., Волков Е. Н. Исследование энеолитического могильника Бузан 3 в Ингальской долине // Там же. 1997б. С. 156–158.

Петрин В. Т. Палеолитическое святилище в Игнатьевской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992. С. 73–84.

Сериков Ю. Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Ниж. Тагил, 2000. 430 с.

Шаманаев А. В. Клад каменного сырья и заготовок с оз. Шайтанского // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В. Ф. Генинга: Материалы науч. конф. Ч. 2: Новейшие открытия уральских археологов. Екатеринбург, 1999. С. 19–25.

Шорин А. Ф. Энеолитические культуры Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург: УГПУ; ИИА УрО РАН, 1999. 92 с.

Яковлев Я. А., Боброва А. И. К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения Приобья: Топор // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2004. Вып. 2. С. 137–175.

Тюмень, ИПОС СО РАН

Complexes of stone blanks and implements being treated as rare findings with complex dating. The paper discusses different complexes serving as reserve stone blanks, as well as those involved in rituals through the Eneolithic.